

очень одностороннія, а то и прямо невѣрныя) имъ объясняется или „глупостью“ или „зонамѣренностью“¹⁾. „Вопросъ экономической науки слѣдующій: какая причина того, что одни люди, имѣющіе землю и капиталъ, могутъ поработать тѣхъ людей, у которыхъ нѣтъ земли и капитала? Отвѣтъ, представляющійся здравому смыслу, тотъ, что это происходитъ отъ денегъ, имѣющихъ свойство поработать людей“. За то, что наука не признаетъ теоріи денегъ Толстого, она обвиняется въ сознательномъ стремленіи „поддерживать суевѣріе и обманъ въ людяхъ и тѣмъ препятствовать человѣчеству въ его движеніи къ истинѣ и благу“. Такъ „кающійся дворянинъ“ незамѣтно для себя принимаетъ болѣе удобную и привычную позу обличителя. Онъ не считается съ мучительной экономической необходимостью, въ силу которой при извѣстной густотѣ населенія часть его не вмѣщается въ земледѣліи и должна обратиться къ промышленности, и для него не существуетъ проистекающая отсюда историческая миссія капитализма. Развитие индустриализма, которое, какъ порожденіе неотвратимой экономической необходимости, является, въ извѣстномъ смыслѣ, отнюдь не менѣе естественнымъ члѣмъ земледѣліе, здѣсь объясняется всецѣло злоумышленіемъ. Въ политической экономіи Толстого возрождается ни больше, ни меньше какъ фізіократизмъ 18-го вѣка, однако съ опозданіемъ на цѣлый вѣкъ. Споры нѣтъ, можетъ быть это было бы и проще, еслибы всѣ могли оставаться въ деревнѣ, занимаясь земледѣліемъ. Но насколько возможно это? Или, наоборотъ, это давно уже стало невозможно, по крайней мѣрѣ, при данномъ уровнѣ земледѣльческой техники, и пока нечего и дразнить себя несбыточной мечтой? Толстой никогда не ставилъ этого вопроса во всей его экономической серьезности, онъ только сердился и видѣлъ одну недобросовѣстность въ соображеніяхъ, колебавшихъ его фізіократизмъ. „Если у мужика нѣтъ земли, лошади и косы, у сапожника дома, воды (?) и шила, то это значитъ что кто-нибудь согналъ его съ земли и отнялъ или выманилъ у него косу, телѣгу, лошадь, шило; но никакъ не значитъ то, что могутъ быть земледѣльцы безъ сохи и сапожники безъ инструмента“ (94). Такъ наивничаетъ Толстой по вопросу о происхожденіи пролетаріата, какъ будто мужикъ такъ и родится мужикомъ, прямо съ землей, а сапожникъ съ „домомъ, водой и шиломъ“.

¹⁾ Такъ что же намъ дѣлать? Изд. 2-ое, Посредника, стр. 135.